

«Лицейским дневником 1815 года», и произвольное изъятие какого-либо фрагмента из него недопустимо. Однако к единому мнению по вопросу дублирования текстов участники семинара не пришли.

Отдельная дискуссия была посвящена проблеме включения в корпус критической прозы пушкинских «заметок на полях». Балакин отметил, что в двенадцатом томе прежнего академического издания в этом разделе напечатано только пять текстов — в действительности же их значительно больше, и среди них есть не публиковавшиеся ранее маргиналии. Краснобородько призвала проводить четкую границу между тем, что сам Пушкин называл «надстрочной критикой» (это, например, заметки на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, пометы на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине», обнаруженные В. Э. Вацуру и М. И. Гиллельсоном, и др.), и замечаниями историка (обильные пометы на полях книги «Заметки

о жизни и службе Александра Ильича Бибикова») или переводчика (замечания на переводе А. Ф. Вельтмана «Слова о полку Игореве»). Все читательские маргиналии Пушкина были учтены исследователями предыдущих поколений, однако в то время Издательство Академии наук сочло избыточным публиковать корпус этих текстов. По мнению хранителя рукописей, собственно «надстрочная критика», не оформленная в связный текст, но отражающая важные мысли и наблюдения Пушкина, вполне может быть включена в корпус критической прозы.

Заседание семинара завершилось обсуждением дальнейших перспектив проекта: в частности, исследовательский коллектив анонсировал выпуск в 2023 году аннотированной библиографии научных и научно-популярных работ, посвященных критико-публицистической прозе Пушкина.

© В. В. Турчаненко

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-279-282

ОДИННАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

7 декабря 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Одиннадцатый Агиографический семинар, посвященный широкому спектру вопросов изучения русской агиографии и гимнографии, а также проблемам формирования и развития культур святых. Открывшая заседание М. А. Федотова напомнила присутствующим о задачах и тематике семинара и рассказала о новом проекте «Русская агиография: текстология, источники, поэтика» (РНФ, № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>), разрабатываемом учеными Пушкинского Дома (в нем принимают участие не только сотрудники Отдела древнерусской литературы, но и Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур и Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора) с привлечением коллег из Государственного исторического музея (Москва) и Московской духовной академии. В рамках этого проекта были подготовлены прочитанные на семинаре доклады С. А. Семячко, Т. Н. Галашевой, А. В. Волкова.

Открыл работу Агиографического семинара доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «К вопросу о почитании митрополита Петра в XV веке». Исследовательница дополнила систематическое описание истории почитания митрополита Петра, выполненное А. Г. Мельником, теми сведениями, которые содержат памятники литературы указанного периода.

Были проанализированы произведения, посвященные другим святым и святыням (Жития митрополита Алексия и Никона Радонежского, «Сказание о Темир-Аксаке»); литературные тексты о перенесении мощей митрополита Петра («Похвальное слово», «Слово на перенесение мощей», «Служба на перенесение мощей»); памятники, созданные тезкой святого, священником московского кремлевского собора «любомудрецом Кифой» («Чудеса митрополита Петра» и Второе «Слово на перенесение мощей»). Подробнее были рассмотрены ключевые житийные тексты о святом — Краткое Житие и Житие, написанное Киприаном. Поставлен вопрос: на каком основании Краткое Житие считается самым ранним агиографическим памятником о святом, созданным до 1328 года (Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 18) и предшествующим Киприанову Житию? Датировка сохранившихся рукописей и анализ разночтений, по мнению исследовательницы, скорее указывает на то, что Краткое Житие было написано в конце 50-х — начале 60-х годов XV века. Это предположение требует дополнительных обоснований, особенно лингвистических, однако несомненно, что и гипотеза о раннем происхождении Краткого Жития, как показала Карбасова, больше не может «приниматься на веру» и требует доказательств.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) в докладе «К истории текста Жития Дионисия Глушиц-

кого» пересмотрела представленные ею ранее, в работе «Житие Дионисия Глушицкого» (Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 77–217), наблюдения относительно истории текста Жития. Причиной нового обращения к этому вопросу стало изучение истории текста Сказания о Спасо-Каменном монастыре, безусловно связанного с Житием Дионисия, и Службы преподобному. Исследовательница пришла к заключению, что Сказание вторично по отношению к Житию Дионисия Глушицкого, что позволило ей упростить стемму, отражающую историю текста Жития, избавившись от лишнего текстологического звена. По мнению Семячко, все совпадающие элементы наиболее ранних Основной и Минейной редакций Жития относятся к его первоначальному тексту, а названные редакции независимо друг от друга восходят к архетипу без каких-либо посредствующих звеньев. Другое изменение стеммы 2005 года касается местоположения Особого варианта Основной редакции Жития, представленного двумя списками XVI века: РНБ. Собр. ОЛДП. Q.94 и РНБ. Собр. Погодина. № 652. Изучение более раннего сборника ОЛДП. Q.94, в котором Житие Дионисия читается вместе со Службой преподобному, привело исследовательницу к выводу о том, что оба эти текста возникли в результате контаминации, а создателем контаминированных текстов мог быть писец рукописи поп Вассиан Гуца, вложивший книгу в Спасо-Рабангский монастырь.

П. В. Островский (Сергиев Посад) выступил с докладом «Источники Службы преподобному Александру Свирскому», в котором наглядно продемонстрировал, что с середины XVI века наступает «золотой век» русской гимнографии. По благословению митрополита Макария создаются десятки новых служб в честь святых, прославленных на Московских Соборах 1547 и 1549 годов, в их числе служба на представление преподобного Александра Свирского, самый ранний список которой датируется 1553 годом (ГИМ. Синодальное собр. № 883). Написанная неизвестным автором служба по составу молитвословий соответствует всеобщему бдению и представляет собой текст, созданный на основе большого количества заимствований. Докладчику известно 16 источников. Ими стали службы из Миней в честь преподобных, основателей крупных монастырей: Афанасия Афонского, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Илариона Нового, Стефана Чудотворца, Пахомия Великого и др. Работа с заимствованными песнопениями, гимнограф не делает механической компиляции, но подходит к написанию службы творчески, обильно дополняет молитвословия собственными предложениями, создает сложные конструкции из текстов. Особенно интересен способ, когда автор предвывает начальными стро-

ками стихир преподобному Варлааму заимствованные из другого источника стихиры, нанизывая таким образом разные тексты на единую нить. Пример рассмотренного Островским богослужебного произведения показывает, что русская гимнография XVI века, безусловно, заслуживает внимания.

Завершал утреннее заседание семинара доклад А. Е. Соболевой (Москва) «Источники Косинской редакции Жития Александра Свирского». Житие преподобного входит в корпус новгородских текстов, которые, будучи существенно переработанными новгородским подьячим Борисом Козыниным, вошли в «Трефологион новгородских чудотворцев», составленный специально для Косинского монастыря к 1687 году (РНБ. Ф. 1. 729). Все житийные тексты сборника сопровождаются службами. Выявлено два источника редакции: Житие из Старопечатного пролога (в изданиях с 1660 года) и Минейная редакция Жития, как в рукописи РГБ. Ф. 236. № 91 третьей четверти XVII века. О рукописи как непосредственном источнике можно говорить достаточно уверенно, поскольку, подробно останавливаясь на посмертных чудесах преподобного, книжник пропускает только одно чудо, об отроке Аристе, а указанный список — единственный с таким же составом. Богословское новаторство Козынина проявляется в аллюзиях, возникающих благодаря введенным им цитатам из Священного Писания: например, он косвенно сравнивает мать преподобного Александра с матерью пророка Самуила Анной. Косинская редакция Жития известна в единственной рукописи, и предназначалась она, с большой долей вероятности, для чтения во время службы. Эта цель объясняет комплексную работу редактора над текстом, причем в том же русле, что и над житиями преподобных Михаила Клопского, Саввы Вишерского, архиепископа Моисея Новгородского. Козынин избавляет текст от повторов, делая его «легким» для чтения и восприятия на слух. К этой легкости приводит работа с языком: существенно упрощается синтаксис, при этом строго соблюдаются книжные грамматические нормы, употребляются новые, пришедшие с книжной справкой, лексемы. Можно смело сказать, что перед нами удачный редакторский опыт в выведении литературного языка из Средневековья в Новое время, пусть и на ограниченном одном сборником материале.

Вечернее заседание семинара открылось докладом Т. Н. Галашевой (Санкт-Петербург) «К вопросу о композиции Жития Ефрема Новоторжского», в котором была проанализирована Пространная редакция текста, наиболее часто встречающаяся в рукописной традиции. В Житии, составленном в Новоторжском Борисоглебском монастыре в первой половине XVII века (до конца 1640-х годов), нет заимствований из других агиографических памятников; не нашла отражения и традиционная структура преподобнического жития. Подобающие топоры распределены неравномерно:

они преобладают во вступлении и в главе о преставлении святого. В остальном тексте точно передается содержание более ранней Краткой редакции, дополненное не столько агиографическими, сколько новеллистическими чертами. Традиционные агиографические формулы получают в тексте новые смыслы (и связаны не столько с прославлением Ефрема, сколько с фактом написания его первоначального Жития, т. е. прославлением монастырской святыни). Традиционные для жанра библейские цитаты претерпевают инверсию (цитата о таланте) или наделяются значением, противоположным библейскому (уподобление князя Михаила Иисусу Наввину). Все это говорит о Житии как о тексте, по мнению исследовательницы, составленном вне книжной традиции, без ориентации на письменные источники, однако человеком, обладающим «церковной памятью» и владеющим соответствующим жанру языком.

Доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «Риза, Триодь и Василий Московский: об одном гимнографическом „сюжете“» был посвящен уникальному песнопению из службы блаженному Василию Московскому на 2 августа, которое известно всего лишь по двум музыкальным кодексам конца XVI — середины XVII века, — стихире-славнику на «Господи, воззвах» «Тебе одеющагося» 5-го гласа знаменного роспева. Художественная структура стихир отсылает к песнопению из Триоди постной с тем же инципитом — стихире великой вечерней службы Великой Пятницы «Тебе одеющагося», посвященной прославлению Христа, его крестных страданий и грядущего воскресения. Анализ поэтического текста и его интонационного воплощения показал, что неизвестный русский гимнограф положил в основу песнопения в честь «блаженного нагоходца» ту версию великопостного текста, которая представляет собой расширенную в текстовом отношении стихире византийского происхождения, дополненную несколькими страстными мотивами, и встречается только в древнерусских певческих рукописях с XII века. Выбор музыкально-поэтической модели из чинопоследования Великой Пятницы обусловлен, по-видимому, совокупностью мотивов *imitatio Christi*, группирующихся вокруг культурной оппозиции тела и духа, реализованной в образах «одежды нетления». Гимнограф уподобляет подвиг юродивого Жертве Христа, выстраивая антитезу обнаженности как символа телесной смерти и одновременно — «небесной ризы», «одеяния вечной жизни». Амбивалентный образ наготы характерен и для иконографии юродивого, в частности, мотив «одежды нетления» играет важную роль в известном надгробном лицевом покрове святого Василия конца XVI века из одноименного придела собора Покрова на Рву. Некоторые детали музыкальной структуры текста свидетельствуют о том, что создатель поэтического текста стихир мог быть также и роспевщиком, хорошо

знакомым с певческой традицией Страстного богослужения.

Два последних сообщения были посвящены творчеству святителя Димитрия Ростовского. А. В. Волков (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Жития святых в „Келейном летописце“ Димитрия Ростовского: к постановке проблемы». «Келейный летописец» — масштабное сочинение святителя, над которым он трудился в последние годы жизни, с 1707-го по 1709-й. «Келейный летописец» представляет собой изложение Книги Бытия (1–32-я главы), снабженное многочисленными толкованиями; также в нем уделено внимание истории государств Древнего Востока и античной мифологии. Работа над «Келейным летописцем» началась вскоре после завершения издания «Книги житий святых» в четырех томах — грандиозного агиографического свода, составлению которого Димитрий Ростовский посвятил два десятилетия. Столь масштабная работа не могла не отразиться на всем протяжении творчества святителя: на всем протяжении «Келейного летописца» встречаются как отсылки к житиям святых, так и точные цитаты из них, причем Димитрий Ростовский с присущей ему скрупулезностью точно указывает местоположение этих цитат по «Книге житий святых» в издании 1689–1705 годов. Кроме того, в нем присутствуют ссылки на Великие Минеи-Четвы митрополита Макария, московский печатный Пролог 1685 года, Лимонарь и Патерик Скитский. Отсылки к житиям святых в «Келейном летописце» выполняют ряд различных функций, связанных как с комментированием эпизодов священной или светской истории, требующих тех или иных пояснений фактологического характера, так и с дидактическими целями. Жития святых выступают в качестве важной инстанции для разрешения спорных вопросов, касающихся библейской истории, и установления достоверности сведений, заимствованных из теологических и исторических сочинений западноевропейских авторов. В «иерархии источников», которую можно выделить в «Келейном летописце», жития святых занимают высокое место, наряду с сочинениями Отцов Церкви, и сведения, сообщаемые в них, по мнению святителя, заслуживают безусловного доверия. Так, при рассмотрении вопроса о существовании земного рая после всемирного потопа Димитрий Ростовский обращается к житиям Дорофеи Кесарийской и Евфросина Палестинского, приходя к выводу, что земной рай остался невредим после потопа. Ссылками на жития сопровождается рассмотрение таких библейских сюжетов, как вавилонское столпотворение, гибель Содома и Гоморры и др. Кроме того, Димитрий Ростовский ссылается на жития святых, комментируя эпизоды, связанные с античной мифологией. Основываясь на житиях мученика Понтия и десяти мучеников критских, он опровергает распространное у западноевропейских историографов мнение о тождестве библейского Нимрода

и мифологического Сатурна. Наконец, ссылки на жития святых постоянно встречаются во фрагментах дидактического характера, не имея непосредственного отношения к событиям, излагаемым в «Келейном летописце». Подобно тому, как упоминания Христа и святых апостолов постоянно поддерживают связь ветхозаветных событий, описанных в «Келейном летописце», с евангельской историей, так и упоминания святых подвижников различных стран и эпох создают многомерную картину развития христианства.

А. В. Духанина (Москва) продолжила разговор об агиографических трудах святителя Димитрия, выступив с докладом «Житие Стефана Пермского в редакции Димитрия Ростовского». В ходе работы над Четвыми Минеями Димитрий Ростовский составил новую редакцию Жития Стефана Пермского, ставшую продолжением одновременно и рукописной, и старопечатной традиций сочинения. Основным ее источником было Житие, написанное Епифанием Премудрым, в списке из Успенского комплекса Великих Миней Четвых середины XVI века. Обширный епифаниевский текст Димитрий превратил в краткую минейную редакцию, существенно переработав источник в свойственной ему манере: сделал повествование более динамичным, логичным и назида-

тельным. Дополнительным источником новой редакции стала Проложная редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога 1685 года издания, из которой Димитрий Ростовский позаимствовал отдельные исторические детали и фрагменты, при этом в тексте появилась и другая информация, неизвестная из сочинений о Стефане Пермском. В середине XVIII века, при переиздании «Книги житий святых», входящие в нее произведения, в том числе и Житие Стефана Пермского, подверглись правке, частично осовременившей язык и убравшей из него характерные для текста Димитрия украинизмы. Этот новый вариант текста Жития многократно переиздавался в составе «Книги житий святых» на протяжении второй половины XVIII — начала XX века. Редакция Димитрия Ростовского получила распространение и в рукописях и стала основой новой месяцесловной редакции в середине XVIII века.

Завершая работу Одиннадцатого Агиографического семинара, С. А. Семячко подвела его итоги и напомнила присутствующим, что Двенадцатый семинар состоится через год, как всегда, в первую среду декабря.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-282-284

XLII НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6–7 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН прошла XLII Некрасовская конференция. С приветственным словом обратился к участникам и слушателям директор Института В. В. Головин, подчеркнув значимость некрасоведения в Пушкинском Доме.

Открыли утреннее заседание первого дня П. Ф. Успенский и А. С. Федотов (Москва) докладом «Социализм Некрасова: „Когда из мрака заблужденья...“ в свете французского утопизма». По мнению исследователей, великие утописты (К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн) оказали существенное влияние на развитие русской общественной мысли 1830–1860-х годов. Некоторые из их тезисов получили осторожное развитие в творчестве Некрасова: так, прогрессивно поддерживая дискурс о «падшей женщине», поэт одновременно стремится сохранить сложившийся гендерный порядок, его героиня возвращается к роли моногамной хозяйки в нормативном патриархальном мире.

М. С. Макеев (Москва) в докладе «Григорий Добросклонов: поэт или революционер? О проблеме „основного текста“ „Пира на весь мир“» поделился текстологическими наблюдениями,

возникшими в ходе работы над второй частью третьего тома «Полного собрания стихотворений» Некрасова. Изучение прижизненного оттиска в «Отечественных записках» и корректуры фрагмента главы «Доброе время — добрые песни» позволяет предположить, что конечный текст рассматриваемого отрывка не является результатом только цензурного вмешательства и имеет следы творческой правки. Определяя субъекта высказывания, Некрасов прорабатывает три ипостаси Григория Добросклонова: человек, поднимающийся из низов до вершин просвещения («рыбак Архангельский»), «народный заступник» и, наконец, поэт («песня новая в полусне слагается»).

В докладе «Клим Лавин в рукописях „Последыша“: эволюция образа» А. С. Федотов (Москва) проанализировал четыре автографа главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо», хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Все черновые материалы подтверждают, что к началу работы над текстом у Некрасова уже сложилась вся система персонажей. Значительные изменения претерпевает только образ подставного бурмистра Клим. В наборной рукописи заметна эволюция его характера: